

Ирина Лем

Как Вероника попала в кабалу

Ирина Лем

Как Вероника попала в кабалу

<https://litres.ru/74632847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веронике удалось уехать в Голландию, трудности привыкания, вроде, позади, но никогда не знаешь, какое новое испытание припасла для тебя судьба. Новая страница в книге жизни Вероники и не слишком праздничная.

Ирина Лем

Как Вероника попала в кабалу

Вероника попала в кабалу. Самую настоящую. На законном основании. В наказание за то, что не занята полезным трудом на благо страны.

Наказали не только ее.

Пришла правительству идея привлечь безработных к участию в экономике, чтобы вносили посильную лепту, а не висели ярмом. Вносить предлагалось двумя способами: либо идти на работу, которую предлагает служба занятости, либо, если не в состоянии работать, идти волонтером.

Кончились благословенные времена, когда безработные в возрасте «за пятьдесят» спокойно сидели дома, получая пособие до официальной пенсии. Многие сидели не по своей воле: всем известно – пожилых на работу не берут. До недавних пор их не теребили.

Но хорошее не длится вечно.

В начале года Вероника получила письмо из городской службы занятости. Объяснялось, что ее включили в «траект», по-русски «процесс», цель которого – трудоустройство. Траект длится полгода. Начинается в понедельник с груп-

пового обучения, в пятницу каждый член группы устроен на работу. Вероника было усмехнулась. Шустрые. «В конце недели каждый устроен на работу». Она шестой год сидит, сотни резюме разослала, и ни разу не получила приглашения на собеседование.

Продолжила читать.

Участники траекта получают персонального сопровождающего, называется «контакт-персона», который помогает искать оплачиваемую работу. Поначалу они трудятся бесплатно, то есть за пособие, входят в рабочий ритм. Если через полгода работа не найдется, «контакт-персона» будет искать другой способ занять подопечного делом, возможно - на волонтерской основе.

Расплывчато. Настораживает. Не к добру. Отказаться невозможно – в конце письма ясно стоит: участие в траекте обязательное, иначе урежут пособие или вообще отберут. Прямо-таки ультиматум. Вероника давно заметила, что с безработными тут не церемонятся.

Ну, посмотрим.

И закрутилось. Ездила на курсы, которые состояли из тестов на интеллект и владение языком, а также пропагандистской болтовни на тему «работать лучше, чем НЕ работать». В конце четверга преподаватель Франк – маленький, толстый, шустрый мужичок вызывал каждого курсиста для личного разговора. Веронике сказал:

- Определяю тебя на работу «зеленой» категории. – И

установился колюче - своими по-крысиному выпуклыми глазами, в которых не сияло большого интеллекта.

- Что это значит?

- Значит – уборка. Подметать улицы или убирать в общественных помещениях.

Вероника застыла. И, вроде, побледнела. Не ожидала, что так опустят. Значит, вот к чему свелась ее интеграция. К чему тогда столько усилий приложила - получала дипломы, сертификаты, опыт работы, если посылают на самое грязное, что существует...

А если к ним придет безработный профессор?

Собачья работа у Франка – унижать людей, которые умнее его. А может, именно в том он черпает вдохновение?

- Извини, ничего лучшего предложить не могу, - сказал без всякого сочувствия в голосе. Действительно, почему он должен сочувствовать всем этим лентяям и паразитам.

Да, есть среди безработных и лентяи, и паразиты, большинство же оказались в качестве попрошайек у государства от нужды. И ведь Франк прекрасно знает, что работу Веронике в ее возрасте не найти, но дали приказ – он должен исполнять.

Установился еще более колюче. Клиентка шокирована, это естественно. Если начнет ныть, он вернет ее в чувство, объяснит: тот, кто получает помощь от государства, должен делать что-то в ответ. Если она продолжит ныть, пригрозит отнять пособие. Железный аргумент. После него прекращают-

ся любые возражения.

Вероника читала в его глазах. Пусть и он прочтет. Она не даст ему удовольствия показать превосходство, встать в позу ментора, разъясняющего элементарные вещи. Она понимает расклад.

- Да... Ничего... Я в порядке. Просто неожиданно как-то.

- Ладно. Завтра поговорим конкретнее.

Весь оставшийся день она думала – как наденет оранжевую безразмерную робу и в дождь и зной будет подметать тротуары. Работа для роботов.

Стыдно.

Перед кем? Она никого не знает, ее никто не знает.

А туалеты у них есть?

Должны быть. Люди не могут целый день без туалета...

Назавтра Франк спросил:

- Как дела?

Спросил только из вежливости. Не нужна она Веронике. Вообще противно его видеть, хорошо, что сегодня в последний раз. Пусть побыстрее начинает и заканчивает.

- Давай к делу.

- Хорошо. Рано вставать можешь?

- Как рано?

- Чтобы в семь быть на работе.

- Могу. Всегда рано встаю.

- Свой транспорт есть?

- Велосипед.

- Хорошо. У меня есть место уборщицы в администрации города. Согласна?

Уборщицей помещений лучше, чем подметальщицей улиц.

- Согласна. Мне туда на велосипеде пятнадцать минут.

- Отлично.

Дал подписать контракт и назначил «контакт-персону» - работника службы занятости по имени Азиз.

Имя типично марокканское. Вероника имела неудачный опыт общения с марокканцами в лице третьей жены Симона, затаила к их национальности предубеждение. Азиз его немножко сгладил. Возрастом около пятидесяти, все еще красивый, с проседью в черных волосах, с крепкой фигурой без живота, неторопливый в движениях и вежливый в разговоре – произвел неплохое впечатление. Разговаривал с Вероникой на «вы».

- Я – ваш «контакт». По всем возникающим вопросам прежде всего обращайтесь ко мне. Если заболите, непременно обращайтесь ко врачу и не выходите из дома, из службы занятости к вам придет комиссия с проверкой. Имеете право на отпуск, четыре недели в год. О них сообщите заранее, в две инстанции: мне и в службу занятости. Вот телефоны. – Подчеркнул номера в тексте с регламентом, передал листок. Регламент строгий: количество рабочих часов в неделю 32, количество дней четыре, понедельник выходной, но не для отдыха, а для рассылки резюме, Вероника по-

прежнему обязана искать оплачиваемую работу. Здесь «переходная». Временная. На полгода. Начало тридцатого апреля.

Значит, последний рабочий день – двадцать девятого октября. Полгода выдержать...

Еле выдержала один день.

Первый шок получила, когда увидела коллектив, в котором предстояло провести минимум полгода жизни. Коллектив состоял из слабоумных. Не психически ненормальных, а буквально «слабо умных», которые не приспособлены полноценно функционировать в обществе, но в состоянии самостоятельно жить и работать – на примитивном уровне. Вероника ужаснулась: с ними ни поговорить, ни пошутить, вообще невозможно общаться. Опустится на их уровень, сама станет слабоумной по русской пословице «с кем поведешься, от того наберешься».

Второй шок – когда увидела объем работ. Дали ей целый этаж под номером пять, на полную длину здания. Это коридор метров сто, по обе стороны кабинеты в несчетном количестве, комнаты для заседаний, четыре туалета. Каждодневно: протереть столы, подоконники, компьютеры и все плоские поверхности, пропылесосить полы в кабинетах и коридоре, опустошить урны и заменить в них мешки, вычистить туалеты, протереть стеклянные двери от отпечатков – этих дверей штук пятьдесят. Раз в неделю – протирка плинтусов, абажуров, шкафов, вешалок, ножек столов и стульев.

На первое время приставили Веронику помощницей к местной старожилке по имени Ани. Она из тех, кто умело прячет слабоумие - нормальные считают их дураками, а они эдакие хитрецы. Пятьдесят девять лет, двадцать пять работает на одном месте. На вид странное существо: маленькая – Веронике до плеча не достает, волосы короткие и взъерошенные – не поддаются укладке, ручки-ножки тонкие, живот выпирает, будто она беременна тройней. Гномиха. Злая, как вскоре оказалось. Воодушевилась, что ее назначили командиром над нормальным человеком, заставила Веронику в первый же день сделать чуть ли не в два раза больше положенного. Та по незнанию сделала.

Еле доползла до дома.

Утром еле поднялась. Тело ныло и вопрошало «за что?». За какие такие прегрешения подвергли его мукам, заставили целый день провести на ногах, да еще приседать, наклоняться, напрягать руки.

Мыслимо в ее возрасте? В ноябре исполнится пятьдесят семь, вопрос: доживет ли? Если и доживет, то превратится в инвалидку, физическую и умственную. Опустили ее в клоаку, кошмарное подземелье, о котором не знают наверху. В подземелье не люди, а зомби: одеты в одинаковую, ядовито-синюю униформу, ходят одинаково - еле передвигая ноги. На лице ноль эмоций. У них осознание действительности не работает. Живут на инстинктах, принимают происходящее как само собой разумеющееся и не ропшут.

Вероника не зомби. Пока.

Должна за себя бороться.

А она уже забыла – как.

«Качать» права, устраивать скандалы давно не имела нужды. Шестой год сидела спокойно, получала пособие - расслабилась, размякла. Привыкла к Голландии, почувствовала себя, наконец, дома. В безопасности. Стрессы отпустили, на душе легко.

Сидела, не скучала. Некогда. Свободное время заняла творчеством и увлеклась: сюжеты крутились в голове – только успевай записывать. Последний раз серьезная тревога возникла пару лет назад, когда ныло в левом боку. Думала рак, накрутила себя, чуть ли не помирать собралась. Оказалось нечто доброкачественное, гемангиома на печени, у пятой части населения присутствует, лечения не требует.

Струилась ее жизнь – тихая речка, без резких поворотов и крутых водопадов...

Да прижали безработных. Они – люди безропотные, беззащитные, соглашаются на все, что предложит служба занятости. Боятся пикнуть, чтобы не лишиться пособия.

Но в разумных рамках пикать необходимо.

Потому что здесь закон: не возмущаешься, значит, все хорошо.

Вероника возмутилась. Отправилась к мастеру - начальнику над зомби. Зовут Рэймонд, сорок два года, семнадцать лет в подземелье, единственный, кто умеет улыбаться. Пожа-

ловалась, что ее, в ее возрасте, в первый же день нагрузили работой, которую не каждая молодая выдержит. На всякий случай употребила словечко «дискриминация». Это волшебное слово, его тут бояться.

Рэймонд внимательно выслушал. Разъяснил - что входит в ее обязанности, поделился секретами профессии. Рассказал, на что в первую очередь обращать внимание для быстрой и качественной уборки. Пылесосить следует только там, где виден мусор – крошки, мелкие бумажки. Показал на трубе секретную кнопку, которая облегчает движение щетки по полу. Показал, как одним кругообразным движением вытирать створки шкафов в районе замка, какой щеткой протирать плинтусы и прочее. Вдобавок, по доброте души разрешил ей в полтретьего уходить домой.

Что ж, и то хорошо. Будем надеяться, что тело потихоньку привыкнет напрягаться, войдет в рабочий ритм.

Зря надеялась.

Жизнь ее превратилась в боль. Постоянную, изматывающую, затихающую только к утру, когда уже надо вставать и опять себя насиловать. Приходила домой, первым делом заваливалась на диван, лежала пластом два часа. Лежала бы до конца дня или до утра, но заставляла себя вставать, чтобы поесть-попить да сесть к компьютеру, написать хоть страничку - третий роман заканчивала, осталось буквально две главы, глупо бросать на финише. По дому ходила враскорячку, как пингвин, которого акулы изрядно потрепали о мор-

ские волны. Спина, шея руки, ноги – все ныло и протестовало.

Ночью засыпать не давали судороги в икрах. Однажды проснулась от того, что не чувствовала пальцы рук. Если они долго не будут получать крови, отомрут. Не сможет писать. Паника! Принялась судорожно тереть о простыню, разминать. Пальцы покалывали, возвращаясь к жизни. На следующую ночь – то же самое.

От длительного хождения и стояния ступни рапластались и превратились в лягушачьи лапы, резко расширяющиеся от пятки к пальцам. В старую, кожаную обувь не вмещались, пришлось купить просторные, тряпочные тапки. Ступни стали чувствительные с двух сторон – где кость большого пальца и кость мизинца, чуть заденешь, вскрикнешь. Боль поднималась вверх, в пах, стало тяжело передвигать ноги. А-а, вот почему зомби ходят своеобразно – не поднимая ноги, а будто подтягивая...

Ужас обуял Веронику. Да они тут из нее зомбированную инвалидку сделают! И никому до ее страданий нет дела. Тяжких повреждений не имеет, идти ко врачу нет смысла. Что она ему скажет? «Все тело болит» – слишком расплывчатое определение. Так говорит каждый, кто не хочет работать.

До этого проклятого «траекта» она была практически здорова. Теперь наполовину. Какой выход? Ждать, когда что-то конкретное сломается в организме? Тогда назначат ей пенсию с прибавкой для покупки лекарств и отстанут навсегда.

Печальная перспектива.

Забил тревогу.

Просмотрела на свою тему материалы в интернете. Много чего написано, а конкретных советов нет. Обратилась с письмами к политическим партиям, фракции которых находились в том же здании. Ответили только из «Социалистической партии». Ходила туда.

В комнате фракции сидели две молодые девицы, вероятно, помощницы. Ту, которая разговаривала с Вероникой, звали Мирта. Лицо уставшее, голосок тонкий – такие не бывают у людей, принимающих решения.

Вероника высказала жалобы. Используют ее практически как рабыню. За то же количество часов постоянные работники получают на сто пятьдесят евро больше – уже дискриминация. Вдобавок – не учитывают возраст, нельзя же людей после пятидесяти заставлять целый день физически трудиться, причем с самого начала, ведь она пять лет просидела дома. И не по своей вине.

Во время ее рассказа Мирта сочувствующе качала головой, иногда вставляла:

- Да, мы понимаем... Получаем много жалоб... – Потом сказала: - Вы попали под «закон о соучастии в социальной жизни», а он широк. Да, имеются нарушения, мы о них знаем. Но что-то исправить... Единственное, что можем – поднять вопрос на следующей сессии городского совета с участием бургомистра. Это в конце следующего месяца... - И

сделала такое жалостливое лицо, будто ожидала, что Вероника ее пожалеет.

Жалеть их? А кто пожалеет ее? У нее жизнь отняли, оставили боль...

Ясно. От них помощи не жди. По-быстрому распрощалась, вышла.

Написала жалобу на Азиза, что за месяц ни разу не интересовался – как у подопечной идут дела. В ближайшую пятницу он явился для разговора.

Выглядел... не то, что напуганным, но слегка обеспокоенным. Расспросил очень вежливо и подробно. Насчет работы. Насчет жалобы. В конце сказал, что снижает количество часов с тридцати двух до двадцати, теперь ее расписание – с семи до двенадцати. Еще сказал, что назначил встречу со вчерашним членом трудовой комиссии, который определит ее пригодность к работе.

Дал ей листок с объявлением – требуется работник в прачечную. В глаза бросилось первое условие: работа тяжелая, кандидат должен быть в хорошей физической форме. Для чего дал, ведь понимает, что Вероника ни с какой стороны не подходит? Дал, чтобы показать – он про нее не забыл, пытается найти оплачиваемую работу.

Взяла листок, сказала, что отошлет им резюме.

И оба понимают, что никогда не найти ей работу, ни самостоятельно, ни с помощником. Это игра. Административная машина в действии.

Азиз протянул для подписи листок, на котором стояло «жалоба удовлетворена», рука дрожала. Вероника подписала. Она была удовлетворена. На данный момент.

Через две недели врач комиссии установил ей регламент – четыре часа в день.

Время каторги сократилось, но мало что изменилось в ее состоянии. Первую половину дня трудилась, вторую лежала. Ночью страдала. Она имела высокую границу боли, но любое терпение не бесконечно. Жалко наблюдать, как собственное тело – которое она любила и холила, разрушалось на глазах. И ради чего? Только потому, что кому-то наверху взбрело в голову выгнать безработных на работу, как стадо баранов, не разбираясь – молодой-старый, больной-здоровый. Пусть все отправляются, там увидим.

Взяла неделю отпуска, дать отдых мышцам и успокоить терпение. Провела отлично. Дописала роман. Сходила на главный пляж Гааги с труднопроизносимым названием Схейвенинген полюбоваться на недавно установленное колесо обозрения. Кино посмотрела - четвертую серию про Борна. Кстати, не понравилось: акций слишком много, за ними теряется сюжет. То же самое с последней серией про главного шпиона всех времен и народов Джеймса Бонда «Спектр». Наверное, мода сейчас такая в Голливуде – побольше спецэффектов, поменьше смысла, над ним думать надо, а некогда.

В первый рабочий день прокляла отпуск. Тело катего-

рически сопротивлялось входить в прежний каторжный режим, от которого думало, что избавилось. Когда поняло, что сопротивление бесполезно, заскулило, заныло пуще прежнего.

В трудную минуту человека поддерживает надежда. На что было надеяться Веронике? Только на то, что когда честно отработает прописанные в траекте полгода, от нее отстанут. Надежда слабая: Рэймонд как-то обронил, что контракт может быть продлен. В приказном порядке. На неопределенный срок.

Он был бы рад. Он получал хорошие отзывы от обитателей пятого этажа, пару раз говорил Веронике, что доволен ею. Конечно, доволен. Она человек старой советской закалки, в нее чувство ответственности въелось, как в шахтера угольная пыль. Если что-то делает, делает хорошо. Чтобы своя совесть была спокойна, и чтобы начальство не вякало. И никому невдомек, что из последних сил, что каждый день в поту, домой приезжает, потеряв килограмм веса за четыре часа.

Да. Попадешь в административную машину, не выберешься...

Ехала на велосипеде, тупо глядела на луч, освещавший дорожку, сырую от висевшего тумана.

Ночь. Вернее, утро, которое еще не началось. Погода не по-осеннему тихая, ясная, но звезд не видно: они высоко и далеко, на земле их затмили свои звезды - светофоры и фо-

нари. Движение на улице практически в одном направлении, в центр. Веронике тоже в центр, на кабалу. Хорошо, сегодня пятница, за ней три выходных. Отработает, будет отдыхать.

Вот что ее занимает. Сегодня двадцать шестое октября, по идее должен быть последний день ее траекта. Это по ее идее. От контакт-персоны Азиза пока информации не поступало. Две недели назад она запрашивала с ним встречу именно на эту тему.

Хорошенько подготовилась. Сходила к домашнему врачу, объяснила – руки днем болят, скрючиваются, ночью теряют чувствительность, то же самое с ногами, вдобавок судороги. Он осмотрел, поставил диагноз: защемление нервов. Обычно проходит само, в тяжелых случаях требуется операция.

С тем Вероника явилась на беседу к Азизу. Он выслушал. Посмотрел в компьютер. Подумал. Говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.